

Культура. — 1997. — 11 сент. — с. 13

Виртуозная халтура

СВЕТА СУЕТ

В минувшем сезоне я получил предложение от Мариинского театра и лично от его художественного руководителя Валерия Гергиева поставить первый вариант оперы Мусоргского "Борис Годунов". Этот вариант нераспространенный, в его основе — исповедь главного героя. Мне казалось, что это очень современно, к тому же дает возможность уйти от традиционного прочтения хрестоматийной оперы.

Валерий ФОКИН

Я пригласил польского художника Вольдемара Заводзинского, который сделал оригинальный макет, предполагающий трехэтажную декорационную конструкцию. Привлек известного композитора Александра Бакиши для подготовки авторской музыкальной редакции. Была разработана режиссерская партитура, написан сценарий от первой до последней секунды сценического действия. Мы очень быстро нашли общий язык с руководством Мариинского театра. Гергиев — крупный музыкант, тут никаких сомнений быть не может. Его увлекла идея, что вот так неожиданно можно поставить "Бориса", заинтересовало и оформление. В общем, сначала все было замечательно.

Но когда мы были уже готовы приступить к репетициям, начались странные вещи. Сначала нам заявили, что оформление слишком сложное, его надо "делать". А как же иначе? Любое оформление надо "делать", тем более что у нас предполагался спектакль, а не концерт. От следующего вопроса опешил художник: ему предложили взять костюмы из подбора, из спектакля А.Тарковского, который был здесь десять лет назад. Параллельно вообще советовали заменить художника на другого, который придумает что-нибудь попроще. Потом встала проблема сроков постановки. Чтобы успеть к фестивалю в Равенне, мне сначала отводилось полтора месяца для репетиций. Конечно, это маленький срок, но Гергиев убедил, что многие певцы свои партии знают. В результате же все свелось к тому, что хорошо бы сделать оперу за две недели. Я понял, что Гергиева интересует концертный вариант постановки, для которого по большому счету ни я, ни новый взгляд на оперу, ни интерпретация просто не нужны. К тому же предполагалось участие "звезд", например, Дмитрия Хворостовского, которые должны были подъезжать и на следующий день петь, по-видимому, не обращая внимания на придуманную нами сложную партитуру поведения Бориса. В общем, в подобных условиях я работать отказался, тем более что к оперной режиссуре обращался впервые, а дебютировать нужно достойно.

На этом все наши контакты с Мариинским театром резко обо-

рвались — не последовало ни звонков, ни сообщений, просто пропали люди, и все. Я уже не говорю о том, что никому из нас не заплатили за проделанную работу. Но это можно пережить. Куда больнее момент этический: никто из нас даже не был поставлен в известность, что работа прекращена. Кстати, в газете "Культура" через некоторое время я прочитал, что "Годунов" все-таки был поставлен другим режиссером — Александром Адабашьяном и с участием другого художника — Игоря Макарова всего за 12 дней.

Но тут мне в руки случайно попала афиша фестиваля в Равенне, где была представлена эта опера. Там же было написано следующее: "Борис Годунов", оригинальная версия композитора А.Бакиши, сценография С.Бархина. И тот, и другой — в полном недоумении. К тому же итальянские музыкальные критики нашли несоответствия в "оригинальной версии" Бакиши, а он просто не знает, что же там звучало. А, между прочим, в Равенне устраиваются серьезные фестивали, которые высоко котируются в музыкальном мире. После этого "Годунов" был показан на фестивале в Зальцбурге, на сей раз художником был назван В.Заводзинский. А в одной из рецензий упоминалась Ольга Бородина в роли Марины Мнишек. Но Марины Мнишек вообще нет в первоначальном авторском варианте оперы. Вообще нет Польского акта. Понятно, что в постановке был использован принцип некой концертной бригады, а редакция, первая ли, вторая, абсолютно неважна: приехала какая-либо

"звезда" — приклеим любой акт или эпизод, уехала — уберем. Нет декораций — возьмем помост из спектакля Тарковского, выгнем из проволоки силуэты куполов храма Василия Блаженного, и порядок.

Конечно, у меня нет никаких претензий юридического характера, осталось только недоумение по поводу странных ляпсусов в афише. Уверен, что наша работа не пропадет, есть предложение от Большого театра. Но меня поражает этика взаимоотношений. Не понимаю, как такой крупный и талантливый художник, как Гергиев, может поступать вне какого-то нравственного контекста. Хотя ясно, что Мариинский театр и его художественный руководитель — заложники своих международных маршрутов, постоянно опасаясь, что могут вылететь из "обоймы". Но главное даже не это.

Мы все сегодня, в том числе и Гергиев, постоянно говорим о кризисе оперного жанра, о том, что уже 400 лет, как опера статична, монументальна, ходильна. Но я с ужасом думаю, как же она может меняться и развиваться, когда сами принципы существования в ней антихудожественны. Это просто виртуозная халтура. Кстати, не только об опере речь. Подобных виртуозов-халтурщиков много. Это наши выдающиеся музыканты, между прочим, которые сегодня могут на паперти перед храмом сыграть, завтра — на презентации, послезавтра — на приеме у какого-нибудь короля. Выучить что-то в самолете, чтобы завтра исполнить на очередном фестивале, — это стало нормой. Естественно, все выступления у них расписаны на годы вперед. О какой подробной работе, анализе, сосредоточенности можно говорить в таких условиях? Все подчинено бизнесу, тут не до творчества.

А презентации с музыкой — это вообще явление уникальное. Деяносто процентов людей, туда приходящих, ничего не понимают в музыке. Приходят по договоренности: ты — "звезда", я это знаю, потому и пришел. Все садятся, надуваются и делают вид, что им очень интересно. У любого вечера появился джентльменский набор — сначала кто-то из "звезд" сыграет, потом споет, разрежет ленту — и на банкет. Такая вот примета нашего сумасшедшего времени.

Мне захотелось поделиться своими мыслями по этому поводу, потому что такие явления и взаимоотношения разрушают среду, тот хрупкий художественный мир, в котором мы живем. А если и это уничтожить, то что же останется? Ведь культура и так находится под активным прессингом. Нас всех прижимают к стенке. В такой ситуации надо, наоборот, друг друга поддерживать, а виртуозная халтура, к сожалению, просто съедает все. ●